

СХИМОНАХ ЛУКА (ШВЕЦ) († 1898)

Схимонах Лука, в миру Леонтий Швец, происходил из крестьян Сумского уезда Харьковской губернии. В Глинское братство поступил при настоятельстве игумена Иннокентия в 1864 году, 26-ти лет. В то время в обители ярко сияли иноческими добродетелями старцы: схиархимандрит Илиодор (†1879), монах Мартирий (†1865), схимонах Лаврентий (†1881), схимонах Архипп (†1896), монах Досифей (†1874). В виду такого сонма великих подвижников, Леонтию было у кого поучиться высокой иноческой жизни, но главным образом он брал пример с первого из перечисленных подвижников, его советами руководствовался и при постриге в мантию отца Илиодора имел своим старцем.

Первое послушание Леонтия было на братской кухне, через два года при хлебопекарне. В последней он пробыл подряд 22 года. В 1896 году его постригли в рясу и, по усердию к послушанию, назначили старшим (или смотрителем) хлебопекарни. В 1875 году постригли в мантию с именем Лонгин.

Находясь на пекарне, отец Лука в полночь вставал на утреню, утром был на ранней и поздней литургиях, вечером выстаивал в храме вечерню, повечерие и правило. В храме он всегда становился на хорах позади всех. Оттуда ему не было видно богомольцев, стоящих внизу. На молитве подвижник был особенно внимателен. Братиям пекарни он советовал ходить на обед в трапезу, куда и сам ходил в тех случаях, когда по послушанию ему можно было отлучиться, но кушал весьма мало.

В свободное время от послушания и церковной молитвы, он исполнял келейное старческое правило и занимался чтением святоотеческих книг.

Келлия отца Луки состояла из одной небольшой комнаты. Несколько икон, столик, шкафчик, книги — вот и вся обстановка, притом довольно убогая. Из одежды — ничего лишнего. Настольной книгой для всегдашнего руководства у отца Луки были творения преподобного Симеона Нового Богослова, высокого по жизни и строгого по учению, изложенному простой речью. Для некоторого разнообразия в жизни о. Лука небольшое время употреблял на делание деревянных ложек, а потом и это совершенно оставил, боясь отвлечься от послушания и молитвы.

В 1888 году отца Луку назначили смотрителем Псалтири. Он должен был вести череду старцев, читающих день и ночь Псалтирь за благодетелей и следить за исправным исполнением возложенного на них послушания. С этого времени подвижник ходил на все богослужения неопустительно и, несмотря на их продолжительность, выстаивал всегда до конца.

В 1891 году он принял св. схиму и начал вести скитскую безмолвную жизнь.

На пекарне отец Лука трудился более других. Вместе с одним братом, он с вечера растворял закваску для хлеба, перед утреней подбивал ее; сам поджигал дрова в печке. После шестопсалмия, братия выходили с утрени и собирались на пекарне. По прочтении молитвы, в знак единения и братской любви, все крестообразно лобызали друг друга в плечи и, благословясь, начинали месить тесто. Отец Лука месил наравне со всеми.

Замесив хлебы, все расходились на отдых, а старший оставался наблюдать за печью и за тестом, — когда оно поднимется и настанет время катать хлебы. Младшим одна забота: исполнить приказанное, а на старшем лежала полная ответственность за исправность братии и хлебопечения.

Кухня и пекарня — первая школа для испытания новоначальных. Зная, как важно

начало иночества, отец Лука требовал от подчиненных строго относиться к послушанию, испытывал их в отсечении своей воли и своего мудрования.

Пример терпения и беспрекословного послушания отцу Луке братья могли брать с монаха Архиппа, который в то время вел образ жизни юродивого, и на пекарне состоял с 1852 года. Он, по своему смирению, многократно отказывался от старшинства, Луке подчинялся 16 лет, из них пять лет, когда тот был еще рясофорным, иногда нарочно рассыпал муку, разливал воду или ронял тесто. Его за это упрекали и ставили на поклоны. Борьба подчиненных в порабощении плоти духу иногда тяжело отзывалась на отце Луке. Среди подчиненных попадались люди с тяжелым характером. За 18 лет старшинства своего на пекарне отцу Луке пришлось понести немало скорбей. Требуя дела, отец Лука всегда старался поощрить братию. В то время им не всегда отпускали чай и сахар, только на какой-либо праздник, — лично для него, как старшего, или для всех отец настоятель отпускал чай и сахар. Отец Лука всегда делился своим с братией. Иногда ему земляки присылали деньги, на которые он без стеснения поил чаем не только своих подчиненных, но и других бедных послушников. По отслужении литургии священнослужащим некогда было у себя заниматься самоваром, но они всегда находили готовый чай у отца Луки. Странникам и нищим отец Лука безотказно давал по ломтю хлеба, а иногда и более.

Отец Лука мог бы требовать дела, а о спасении братии, о их духовном преуспевании вовсе не заботиться, но он, хотя и нес много скорбей, однако не оставлял при случае врачевать немощи ближних. Во время поступления его в обитель до 1889 года послушники не имели определенного руководителя. В духовной нужде каждый мог советоваться у духовника или других старцев. А так как новоназначенные всегда были заняты делами обители под надзором старшего на послушании, то для большинства братии пекарни отец Лука являлся и непосредственным начальником и наставником в монашеской жизни. Желая всем достигнуть бесстрастия, он старался вызвать гнев и другие страсти, скрывающиеся внутри. Поэтому он ругал подчиненных и учеников своих. Но самому же ему приходилось выносить на себе вызванные наружу страсти, ибо не все могли не уязвляться его словами, не все могли познавать его благоую цель духовного врачевания страстей. Трудно было, но отец Лука своих подчиненных и учеников вел в Царство Небесное путем труда, скорбей и злостраданий.

Любовь подвижника простиралась на всех вообще братии обители: так например, брата Алексия, бывшего в просфорне, хотели совсем уволить из монастыря; сжалился над ним отец Лука, пошел к настоятелю и сказал: "Батюшка, у меня братии на пекарне недостает, благословите с просфорни брата Алексия". Игумен Иннокентий благословил. Таким образом Алексей остался в обители и всегда был благодарен отцу Луке.

Любя ближних, отец Лука утешал скорбящих и болящих, вразумлял согрешающих, исправлял злонравных; хотящих оставить обитель уговаривал остаться, и слово его имело силу. Только в этих случаях он посещал келлии других братии. Когда отец Лука замечал кого смущенным каким-либо помыслом или какой страстью, он приходил в келлию брата. Поклонится ему до земли и начнет уговаривать исповедаться духовнику, чтобы враг отбежал. Иной боится большой епитимии и не хочет идти, — отец Лука говорит: "Пойдем со мной, я за тебя упрошу духовника".

С принятием схимы старец не перестал заботиться о братиях и оказывать им вещественную и духовную помощь. Живя в дальнем скиту, он узнавал, кто нуждается, и помогал, то чаем и сахаром, то чем-либо другим.

Неопытных из своих учеников отец Лука предупреждал от разных искушений и козней врага спасения. Одна особа женского пола, приезжая в обитель, иноку N. несколько раз привозила гостинцы. Не подозревая худого, он никому не говорил об этом. Однажды пришел к отцу Луке в скит. Старец говорит: "К тебе галка летает, она тебе повредить хочет, чтобы ты

монастырь оставил". Тогда инок понял козни врага и стал осторожнее.

Во имя той же любви старец некоторых успешно лечил простыми средствами.

Певчий Николай, придя к старцу, сказал о боли в горле. Отец Лука дал ему чайную ложку какой-то неприятной настойки. Выпил Николай и подумал: "Теперь еще хуже будет". Но на другой день болезнь горла совершенно прошла.

Монах Лаврентий рассказывал, что у него было много скорбей, лихорадочное состояние и страшная головная боль. "Я пошел в скит к старцу и сел у него грустный. Он размочил часть бублика, подал мне и говорит: "Больной? — на, ешь!" Я съел и пошел от старца совершенно здоровым".

В келейной жизни отец Лука был весьма радушным, веселым. Видно было, что в сердце его царил благодатный мир. От старца печальные уходили веселыми, скорбящие утешенными.

За своих учеников отец Лука молился и терпел искушения. В одно время брату Л. он сказал: "Через вас всю сию ночь на полу прокатался". Очевидно, враг спасения мстил ему за спасительное руководство учеников.

С принятием схимы, отец Лука имел своим старцем схимонаха Архиппа, того самого, который ему прежде подчинялся на пекарне. Для более безмолвной жизни они перешли в ближний скит, основанный на месте явления Глинской Чудотворной иконы Рождества Богородицы. На все богослужения отец Лука ходил в монастырь, несмотря ни на какую погоду. Придя с утрени, он в келлии читал помянник и, немного отдохнув, в 5 1/2 часов шел снова в храм, выслушивал акафист, раннюю и позднюю литургии и молебен, что продолжалось до 11—12 часов дня.

После обеда отец Лука молился за государя, настоятеля, братию, благодетелей, всех христиан и совершал старческое правило. Вечером подвижник был на вечерни и повечерии, на котором каноны Спасителю, Богородице, ангелу-хранителю и вечерние молитвы слушал, закрыв глаза, "не видя". Свободное время заполнял чтением святоотеческих книг и богомыслием.

На первых порах, когда отец Лука получил заповедь старца в келейном правиле совершать 500 Иисусовых молитв, у него, должно быть, не всегда было полное внимание. И вот однажды явился ему на воздухе монастырский чудотворный образ Нерукотворенного Спаса, и от него был голос, чтобы он Иисусову молитву произносил медленно, внимательно. Кроме Иисусовых молитв в старческое правило отца Луки входило чтение кафизм, Евангелия, Апостола и поклоны.

С утверждением устава для дальнего Спасо-Илиодоровского скита Глинской пустыни, основанного на месте пустынных подвигов старца схиархимандрита Илиодора, отец Лука вместе со схимником Архиппом в 1893 году перешел в дальний скит. Для посторонних, не понимающих их подвига, взаимные отношения старцев казались чуть ли не враждебными, но это была своего рода духовная мудрость. Архипп неопустительно ходил на все богослужения и говорил: "Я хожу в церковь, а Лука не ходит, посмотрим, кто из нас выгадает". Когда что спрашивали у отца Архиппа, он, как бы недовольный, посылал к "глухому", под которым разумел Луку. А сей последний спрашивающих его отсылал к "пророку", т.е. к отцу Архиппу, который известен был даром прозрения.

Под обычными слабостями осуждения и пересуд друг друга (а не посторонних), мудрые подвижники скрывали свои добродетели. Неопытные этим соблазнялись, высказывали свое нездоровое состояние души и уврачевывались или совестью, или самими старцами. Так, однажды отец Архипп увидел идущего к нему Луку и говорит: "Глухой идет". Находящийся у

него брат стал осуждать идущего. "Я говорю, а ты про него говорить не можешь, он выше меня", — заметил отец Архипп и заставил осуждающего класть поклоны.

Раз идут старцы мимо иконы святых Митрофана и Тихона Воронежских, находящейся с наружной стороны собора Глинской пустыни. Архипп говорит: "Клади поклоны". Лука спрашивает: "Какие"? — "Земные". — "Сколько?" — "Три". — "Батюшка, подержите палку". Архипп берет палку, а Лука при народе кладет земные поклоны за послушание своему старцу.

К отцу Архиппу Лука всегда ходил вечером. Когда братия успокоятся от дневных трудов, он выйдет из келлии и тихонько, стороной пробирается между деревьями под колокольню, где жил отец Архипп. Отец Лука занимал одну небольшую комнату с прихожей, держался более келейной жизни по болезни, в храм ходил не всегда. Пропущенные службы вычитывал в келлии. Часы, обедницу и акафист иногда читали усердствующие послушники. Причащался отец Лука еженедельно по субботам и еще раз или два, если случался на неделе праздник. В храме отец Лука стоял за левым клиросом. Впереди он ничего не видел, кроме большой иконы святого великомученика Пантелеймона, а чтобы избежать и невольного взгляда по сторонам, приближался к этой иконе так, чтобы ее верхнее начертание было выше его роста. Таким образом ничто не могло отвлечь его от внимательной молитвы.

Какое келейное правило отец Лука исполнил в дальнем скиту, навсегда осталось тайной. Но что оно у него было большое, и старец должен был почти постоянно бодрствовать на молитве, не было тайной.

В дальнем скиту свободное время от богослужения и правила отец Лука употреблял на Иисусову молитву. По словам старца Архиппа, Лука вычитывал двенадцать тысяч Иисусовых молитв в сутки и, кроме того, находил время на чтение святоотеческих творений о молитве и трезвении ума от всяких посторонних помыслов.

Врагу не могло нравиться смиренное молитвенное богообщение отца Луки. Он восстал на подвижника страхованиями. Своему ученику Леонтию старец говорил: "Однажды выхожу я из келлии, налетела на меня большая белая лошадь и начала грызть". Кроме страхований, отец Лука в дальнем скиту перетерпел разные телесные и душевные болезни. Брату Тихону он говорил: "Враг гнал меня из скита, но я поборол его". Кажется в это время отец Лука видел покойного старца схиархимандрита Илиодора в дивных небесных обителях и просился к нему. Старец велел еще подождать. Также отец Лука видел архимандрита Иннокентия († 1888), который его утешил, но как утешил, отец Лука не говорил.

Кротость и терпение старца испытал один брат. Он начал очень дерзко говорить с отцом Лукой. Тот молчал и не сердился. В последнее время перед некоторыми из братии отец Лука особенно смирялся, считал себя хуже всех, низко кланялся и просил прощения. Впрочем, смирение отца Луки не препятствовало ему делать необходимые внушения. Однажды новоначальный брат Леонид, еще не усвоивший скромности внешнего монашеского благоповедения, нарвал в скитском саду целую чашку смородины. Отец Лука вышел из келлии и позвал его. Тот сунул чашку в кусты и подошел к старцу. Отец Лука сказал: "Принеси сюда, что нарвал". Брат исполнил приказание. Тогда старец спросил: "Кто благословил? Два-три зерна — и за них надо отвечать пред Богом, а ты нарвал чашку?" Леонид, не понимая, что отец Лука дает ему урок избегать самоволия, вредного в монашеской жизни, и может быть, думая, что старцу жалко смородины, стал ее отдавать отцу Луке. Он, конечно, не взял, а виновному еще дал чая, сахара и отпустил с миром. Благодаря таким урокам, при старцах Архиппе и Луке, братия боялись самостоятельно рвать плоды даже после праздника Преображения. Плоды подавались на обед для всех.

В дальнем скиту так же, как и в ближнем, старцу был голос от иконы. Инок Иоанн говорил: "Моя келлия была против отца Луки; иногда вечером я ходил к старцу побеседовать.

Кое-что он мне говорил из своей жизни, но потом, на мои расспросы, укорял себя, говоря: "Глухой, что тебе нужно? молчи; а мне говорил: "На что тебе любопытство?" Однажды отец Лука передал мне, что ему являлась Божия Матерь, другой раз рассказал, что во время побелки его келлии, он вошел в прихожую и увидел икону Божией Матери "Всех скорбящих Радость", поставленную на кровати, чего он никак не позволял и строго требовал не оскорблять святыни. Немедленно поставив икону в большом углу, отец Лука стал молиться перед иконой, потом пошел в свою келлию, там также помолился, вероятно просил прощения у Божией Матери, и снова вернулся в прихожую. В это время от иконы услышал глас: "Раб, всегда храни благую веру, сим оправдан будеши". Тогда отец Лука пал на колени и долго со слезами молился Царице Небесной."

С целью сохранить себя от рассеянности, он, особенно в последние годы своей жизни, был строг в охранении внешних чувств. В числе бумаг, оставшихся после смерти старца, была такая заметка: "Скорый путь к добродетели есть молчание, смежение очей и глухота". Не раз приходилось наблюдать его глухоту. Она была неодинакова. Отец Лука крепко не слышал, когда спрашивали его, или говорили ему бесполезное; полезное же слышал и тогда, когда ему говорили тихо. Иеромонах Анастасий говорил: "Отец Лука слышал все, но если что говорилось не на пользу, то говорил, что глухой, не слышит. А после говорящий сам убеждался, что хотел спросить, или говорить бесполезное". Глухотой подвижник прикрывал подвиг своего молчания.

Кроме глухоты и молчания, мудрый старец строго оберегал свое зрение. Идя дорогой или стоя на молитве в храме, он закрывал глаза, внимал только себе. Закрывание глаз не всегда обходилось благополучно. За два с половиной года до смерти он, идя в келлию, упал в коридоре в открытый погреб и поранил ногу. Рана причинила ему немалую боль, но и тут, как всегда, выразилось незлобие и великое терпение подвижника: ни стоны, ни страдания не показал он. Сняли с ноги сапог и из него наполнили целый таз кровью. Все ужаснулись, а отец Лука сказал: "Царапинка, — больно?.. А как же мученики терпели до смерти?" От сильного кровотечения постоянная боль в ногах от отеков уменьшилась. Поэтому отца Петра, виновного в незакрытии погреба, отец Лука в шутку называл своим доктором. Учеников своих старец приучал к воздержанию и посту. Одного брата на масленой неделе заставлял есть капусту без масла и говорил: "Приучайся есть постней", то есть более постное, грубое, не возбуждающее сластолюбия и похоти плоти.

По смирению своему отец Лука, как бы боялся взять на себя руководство братьями. Даже своим ученикам он не давал прямо от себя наставлений, а старался учить их по святоотеческим книгам. Замечательно, что в деле руководства, отец Лука ответами своими предупреждал вопросы учеников.

Инок Тихон говорил: "Несколько раз отец Лука давал мне читать именно то, о чем хочешь узнать, но стесняешься спросить. Как только прочтешь, что надо, отец Лука сейчас же выйдет в прихожую и отберет книгу". Подобное говорили и другие.

Видя прозрение старца, ученики еще более понуждались следовать его советам или примеру. Отец Лука выражался очень странно, загадочно, примерами, — скажет что-либо ясно и замнет непонятными словами. Сколько у него ни спрашивают, более ничего не добьются.

При необходимости наставления, старец был краток. Для возбуждения ревности о спасении, старец заставлял учеников читать висевшую у него таблицу из сочинений святителя Тихона Задонского: "Христос грешную душу к Себе призывает". Многие, читая таблицу, умилялись до слез.

Монах Лаврентий говорил: "Отец Лука требовал от учеников строго исполнять

послушание без ропота. Для испытания нас, старец начинал роптать, но не любил, если кто из учеников отзывался нехорошо, особенно, когда это касалось отца настоятеля". Отцу Игнатию старец однажды сказал: "Уважай настоятеля: у него мученических венцов много. Нас 500 человек, и всех надо направлять на путь спасения".

Новоначальные послушники по неопытности часто имеют ревность не по разуму. Ревнуя о делах обители и желая их исполнить, как можно лучше, они иногда забывают о пище и питии, но, ослабевая от чрезмерного воздержания, становятся вовсе неспособными нести какой-либо, даже легкий труд на пользу обители. Отец Лука вникал в положение таких братии и давал им нужные наставления. Он говорил: "Надо держать меру и подкрепляться пищей, чтобы быть годным на послушание, которое должно нести твердо".

За несколько лет старец предсказывал перемены братии на послушаниях. Иеромонах Анастасий говорил: "Когда я был новоначальным на кухне и сидел в келлии у отца Луки, приходит к нему монах Симон. Лука говорит мне: "Встань, он будет твоим старшим". Прошло несколько лет, отец Симон сделался старшим на мельницах, куда и меня послали. Так, по предсказанию отца Луки, я 10 лет имел своим старшим отца Симона".

Про иеромонаха Г. отец Лука говорил: "Он будет игуменом". Прошло 9 лет, и слова его исполнились. Также про одну послушницу отец Лука говорил: "Она будет игуменьей". Через 10 лет предсказание прозорливца исполнилось.

Отец Алексей говорил: "Я был новоначальным, не одетым в послушническое одеяние, много пустословил. На замечание братии сказал: "Я еще не монах". Прошло некоторое время. Отец Лука, как бы зная мои слова, спрашивает меня: "Ты не монах, зачем пришел?"..

Старец ведал помыслы братии. Один инок соблазнился словами и действиями отца Луки и в уме своем подумал, что старец в прельщении. Прошло несколько дней, он приходит к отцу Луке, и тот говорит ему: "Я в прельщении".

Однажды отец Лука сказал: "Истинная любовь, что может, дает для всех, а не избранным". Прошло после того более полугода. Перед Великим постом благодетели прислали старцу грибов и маслин. Инок Михаил подумал: "Вот, отцу Луке прислали грибов и маслин. Он говорил, что всем надо давать, а сам так не делает. Пойду к отцу Петру, если отец Лука прозорливый, то узнает мой помысл и поступит так, чтобы мне не осуждать его". Петр помещался в мезонине того дома, в котором внизу была келлия отца Луки. Лестница на мезонин шла из общего коридора. Идя к Петру, надо было проходить мимо келлии старца. При входе Михаила на лестницу, вышел в коридор отец Лука, подозвал его к себе, дал большую банку маслин и велел у ключника взять грибов, сколько надобно. При этом добавил: "Грибы и маслины я отдал ключнику для раздачи скитянам".

"В прихожей старца я пил чай, — говорил монах Лаврентий, — отец Лука находился в другой комнате. Мне пришло желание на священную книгу, лежащую на столе, поставить сахарницу. Только я подумал, старец выходит и говорит: "Книга — та же икона, — ставить на нее нельзя".

Перед бдением я как-то искусился выпить церковного вина; пришел на клирос и думаю: как бы братия не услышали запаха. Во время чтения кафизм, я вышел из храма и сел на лавочке. Выходит мой старец, срывает цветочек и, смотря на меня, говорит: "Да, пахнет!" Так он мудро обличил меня, мне стало стыдно".

Дар прозрения сказался и в самой кончине подвижника. Отец Лука не отличался здоровьем, телосложения был слабого, но целомудренная и воздержанная жизнь сохранила его: в 60 лет он казался сравнительно молодым, в волосах его не было седины, на ланитах всегда играл легкий румянец. Лицом отец Лука был похож на известного киевского **СХИМОНАХ ЛУКА (ШВЕЦ)**

иеросхимонаха Парфения († 1855).

От долгих молитвенных стояний у отца Луки на ногах образовались отеки. Кроме того, подвижник страдал желудочными болями. За год до смерти у него из горла стала кусками выходить запекающаяся кровь, но старец не жаловался на болезни, терпеливо сносил их, был всегда весел: надежда будущих благ ободряла его, нетленное богатство добродетелей утешало, он уже не боялся смерти, к которой, видимо для всех он стал готовиться с весны 1898 года. Весной старец обыкновенно благословлял отцу Стефану что-либо посадить на огороде при своей келлии, иногда сам выходил копать гряды. В год смерти Стефан спросил у отца Луки, что посадить в огороде, и получил ответ: "Я вашего ничего не буду ни пить, ни есть". За месяц до кончины Лука пришел к старцу Ф-ту, поговорил с ним о протекшей своей жизни и о приближающемся переходе в вечность. Спустя десять дней, он стал прощаться со скитской братией и своими учениками, раздавал им некоторые свои вещи и книги.

29 апреля отец Лука отстоял в храме последнюю литургию и причастился Святых Христовых Тайн. В четверг — день болезни и приготовления к смерти — старец был необыкновенно весел. Видно нестрашна смерть праведнику. 1 мая 1898 года отца Луки не стало. Утром в этот день он говорил ученикам: "Сегодня умру". Брат Иоанн начал читать ему часы. Отец Лука, стоя, указывал порядок чтения. Перед чтением обедницы старец замолчал, лег и стал тяжело дышать. Инок Стефан побежал просить скитона начальника осособоровать подвижника. Спустя два часа после елеосвящения, отец Лука тихо испустил дух. Было 11 1/2 часов утра. При обряжении тело почившего было белое, прозрачное, как восковое.

Могила отца Луки — первая на скитском кладбище. Для нее требовалось выбрать место между восточной оградой скита и огородом, как было назначено отцом настоятелем. Пошел туда скитона начальник и на возвышенном берегу речки Обесты выбрал самое лучшее место под всегда зеленеющими соснами. Когда рабочим стали указывать место для копания могилы, один из иноков припомнил, что он три дня тому назад, при воспоминании о смерти, спросил отца Луку: "Батюшка, где вас похоронить?" Он ответил: "В скиту, в соснах, за оградой", — и рукой указал именно то самое место, которое избрано было для его погребения. Некоторые ученики старца сожалели, что их наставника похоронили не вблизи храма, но храм сам приблизился к могиле подвижника, что и было им предсказано. Он говорил: "Вверху неожиданно будет храм". Через год и три месяца после его смерти, в мезонине дома, где он жил, действительно устроили храм во имя Иоанна Предтечи. Могила старца от храма находится всего в 25 саженьях. Она увенчана крестом с распятием, на обороте креста надпись указывает, что "Здесь погребен схимонах Лука, в мире Леонтий Швец, добре потрудившийся в обители 34 года, из них последние 5 лет в скиту, подавал собою пример молчания и оберегал очи свои еже не видети суеты. Скончался 1 мая 1898 года на 61-м году своей жизни". Надпись кончается просьбой от имени почившего: "Духовнии мои братие и спостницы, не забудьте мене, егда молитесь; но зряще мой гроб (могилу), поминайте мою любовь и молитесь Христа: да учинит дух мой с праведными".